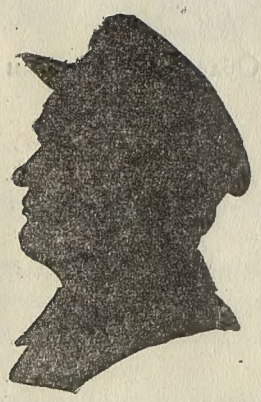
Л654—
549.

Л554 549

РАССКАЗЫ О КИРОВЕ

Н. Быльев

КИРОВ — ОГИЗ — 1947



РАССКАЗЫ О КИРОВЕ

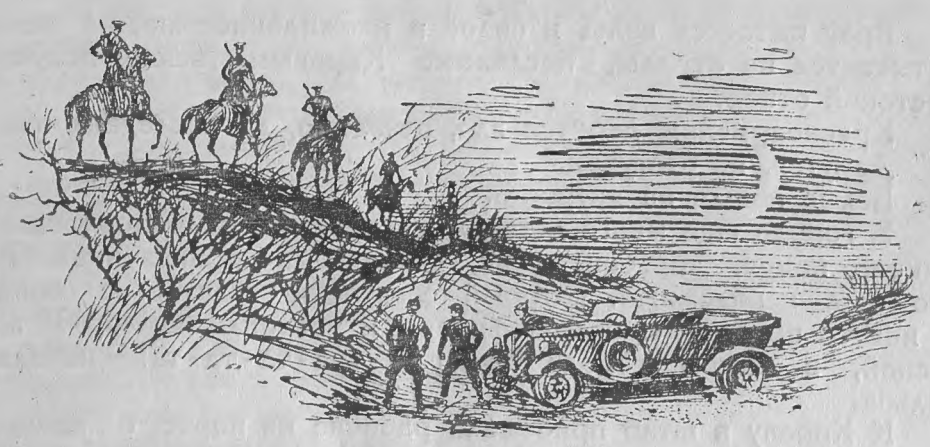
Н. БЫЛЬЕВ

КИРОВ * ОГИЗ * 1946

Обложка и рисунки
автора.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

898220



ПУШЕЧНЫЙ ВЫСТРЕЛ

Полчища белогвардейцев обложили Астрахань.

С одной стороны генерал Покровский лез с казаками.

С другой — генерал Толстой наседал.

С третьей — генерал Улагай.

С четвёртой, с пятой — банды Драценко, Склянина, Хлебникова, есаула Бичеракова, — да всех и не перечесть!

А на Каспийском море блокадой стояли англичане на захваченных русских кораблях.

У генеральских войск пища была сытная. Винтовок и патронов — сколько хочешь.

А в осаждённой Астрахани было голодно.

Ели солёную воблу — „карие глазки". Хлеба по полфунта в день, а иногда и того меньше.

Патронов тоже частенько нехватало.

Враги хотели разгромить советскую Астрахань, расправиться с рабочими, залить улицы города кровью большевиков. Но в Астрахани у рабочих был замечательный командир — товарищ Киров. И все вместе эти генералы ничего не могли поделать.

Киров, бывало, по нескольку ночей подряд не спал, не уходил из штаба.

Он всегда успевал разузнать, откуда белые готовят удар.

Враг пытается взять и силой и неожиданностью, но всюду натыкается на отряды, посланные Кировым, всюду получает жестокий отпор.

Красноармейцы дерутся зло, отчаянно, до последних сил.

Дерутся, не отступая.

Белые пошли на хитрость.

В городе еще много оставалось прежних рыбопромышленников, попов, торговцев, их сынков да приказчиков. Всё это люд ненадёжный, который советскую власть не любил. К ним-то пробрались белые офицеры и устроили заговор. И вот, весной, в самом городе вдруг — тра-та-та-та! — началась пальба.

К Кирову в штаб прибежали рабочие из порта, с заводов, беспрерывно звонит телефон.

Отовсюду сообщают:

„Тревога! Начался белогвардейский бунт!"

„Бунтовщики подошли к мосту через реку Кутум!".

„Бунтовщики разгромили склад оружия, разобрали винтовки".

„Бунтовщики уже в порту, в слободах, они наступают со всех сторон. Мы в кольце!".

А за окнами точно горох на железо сыплют, — такая стрельба идёт. Как быть? Говорят:

— Красноармейских частей у нас почти нет — все посланы на фронт.

Киров спокоен.

— Всем коммунистам, и мужчинам и женщинам, стать под винтовку и вместе с рабочими составить боевые отряды, — говорит он. — Сколько бы ни было белых, мы разгромим их во что бы то ни стало!

И он первым берёт винтовку.

День и ночь на улицах идут бои. Красные отряды атакуют бунтовщиков. Отгонят белых с одной стороны — те с другой наступают.

Там их остановят — они с подкреплениями снова сюда идут. И с каждым часом врагов как будто бы всё прибывает.

Всё теснее сжимается кольцо!

Тут кой-кто и нос повесил. Пошли такие разговоры, что, пожалуй, не справиться с бунтом...

К Кирову пробрался со стороны белых один наш парень, слесарь Гудков.

— Скверная весть, товарищ Киров. К ночи враг готовится к штурму. Лавочникам да конторщикам, гимназистикам и всякому сброду винтовки раздают, составляют свежие отряды. А у порта, в доме возле церкви святого Владимира, белые устроили штаб. Кругом — охрана... Там все главари бунта сейчас собираются — это старые, опытные, видно, еще царские офицеры!

— Хорошая весть! Очень хорошая, — сказал Киров и собрал экстренный совет.

— Вот, товарищи, мой план: нужно разгромить штаб белых сегодня же. Немедленно. Пока главари в сборе. Штаб — это голова мятежа. А как мы голову отшибём, — с остальными-то легко справимся. Позабудут и про штурм.

На совете все зашумели:

— Правильно! Разгромить штаб!

— Но, вот, как это сделать? К штабу-то нам не прорваться.

— Это верно — не прорваться, — говорит Киров. — А пушки на что? Надо из пушек стрелять!

Тут кто просто молчит, кто головой качает.

— Это невозможно, — говорят. — Ведь вокруг да рядом с тем домом, стенка к стенке, другие дома стоят. Всюду рабочие живут, все они сейчас тут, у нас сражаются. Там остались женщины с ребятишками. Их-то за что снарядом убьёт? Нет, нет! Этого никак нельзя.

Киров говорит:

— Надо так метко выстрелить, чтобы попасть только в тот дом, где штаб, и ни один соседний дом не задеть. А для этого нужен нам очень опытный артиллерист-наводчик. Нет ли такого у нас?

— Нет. Среди наших-то не найдётся...

А кто-то и сказал:

— Живёт в Астрахани один старик, очень хороший артиллерист, старой армии офицер.

— Ну, наверно, он сейчас с белыми?

— Нет, не с белыми.

— Неужели он красный?

— Да и не красный, а не поймёшь какой. А спроси его, за кого он: за красных или белых, у него один ответ: „Деритесь там без меня".

Киров засмеялся и сказал:

— Ну, раз к белым не идёт, то, верно, он нам не враг. Пришлите его ко мне.

— Не пойдёт! Ни за что не пойдёт! Старик он строптивый.

—. Ну, тогда я сам к нему пойду.

Проводили Кирова к этому артиллеристу.

Что там ему Киров говорил, никто не слыхал.

Только, как вышли они потом на крыльцо, долго пожимали друг другу руки и всё улыбались.

— Значит, дедушка, так и сделаем?

— Ну, Сергей Миронович, раз я сказал, значит, так тому и быть.

Часом позже красные отряды осторожно подошли близко к улицам, занятым бунтовщиками, и спрятались в засадах, во дворах домов.

От Кирова был приказ: по пушечному выстрелу отрядам во всех участках города внезапно атаковать белых.

На улицах кой-где только наши пулемётчики строчили.

Киров с артиллеристом и слесарем Гудковым отправились в крепость в центре города. Там стояли пушки.

Из крепости Гудков указал дом, где был штаб, и передал артиллеристу бинокль.

— Вон, дедушка, левей церкви серая крыша чуть виднеется за другими домами. Этот и есть. Не промажешь, старина?

— Ведь это всё равно, что в горшке с кашей в намеченную крупинку попасть! — воскликнул Киров.

Артиллерист усмехнулся. Он посмотрел на карту, что-то вычислил на бумажке, приказал заложить снаряд и стал наводить тяжёлую пушку.

— Ишь, жужжит, — сказал Гудков, — шмель в гости летит.

Над крепостью появился английский самолёт.

Он стал делать круги и спускаться всё ниже.

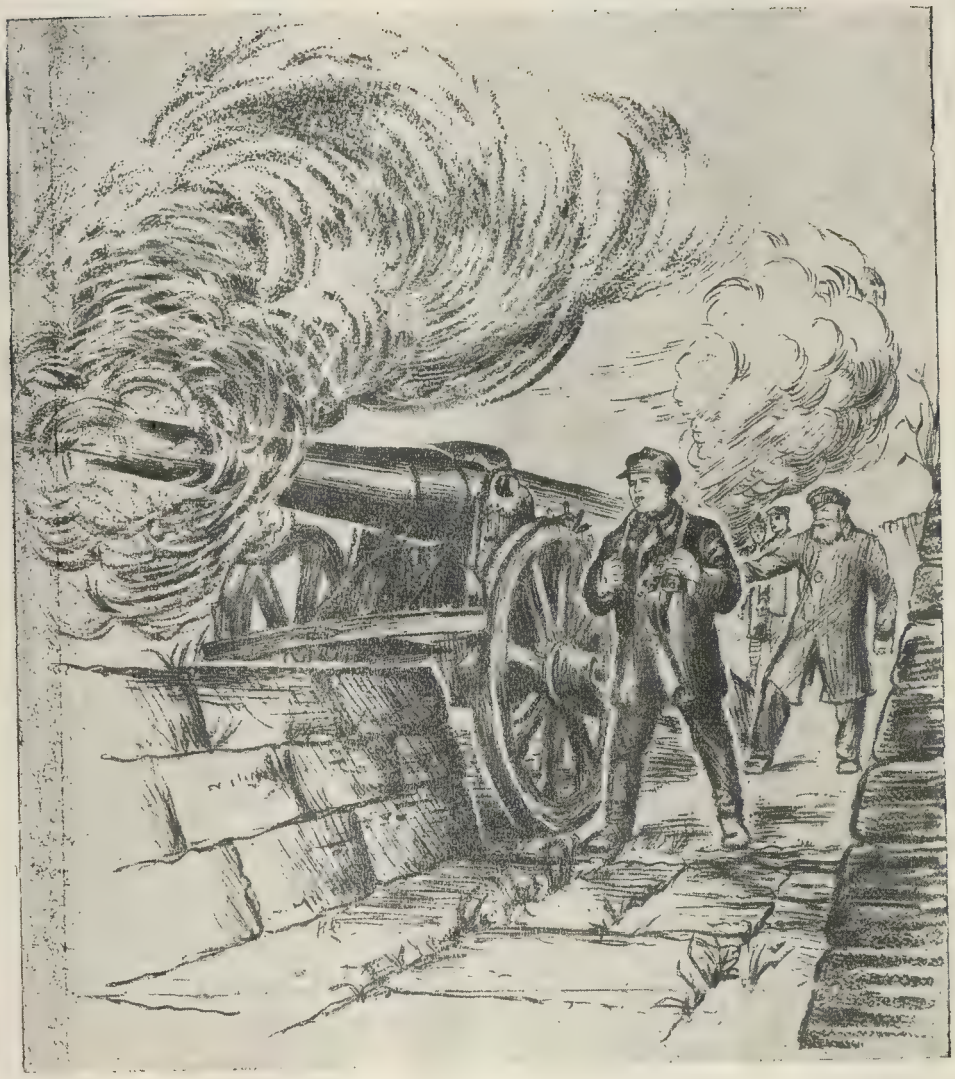
— Ведь вот, гад, заметил, что его друзьям мы тут сюрприз из орудия готовим. Он может и бомбу сбросить...

— Да уж не пряниками станет угощать, — сказал Киров.

Самолёт вдруг пронёсся над пушкой.

— Бомба! Ложись! — воскликнул старик. Все бросились грудью на землю... Фонтан земли и камней с грохотом взлетел в воздух невдалеке от пушки на крепостном дворе. И тут вдруг со всех сторон из города послышалось далёкое „ур-ра-а“.

Это отряды из засад бросились в атаку.



Видно, взрыв бомбы они приняли за условленный пушечный выстрел.

Киров вскочил, помог встать старику. А самолёт пролетел в сторону и снова повернулся к крепости.

— Дедушка, поспеши! Теперь всё зависит от тебя. Не успеем выстрелить, только зря наш народ перебьют.

— Готов! — сказал старик, и ахнул выстрел.

Киров на секунду приложил бинокль к глазам. Попал ли старик в цель? Этого было не разобрать. Столб пыли и дыма стоял в той стороне, где был штаб.

— Ну, а если не попал?.. Тогда прорваться! Взять штурмом!

Киров перебежал двор и на автомобиле помчался к отрядам, наступавшим к церкви святого Владимира.

Позади над крепостью с самолёта застрекотал пулемёт.

Белые начали было отчаянную стрельбу, но вдруг у них что-то заело. По их рядам пронеслась страшная весть: „Штаба нет!".

Точно чудом упавший тяжёлый снаряд снёс дом, где был штаб.

Почти все там погибли под рухнувшими стенами. Бунтовщики остались без главарей.

А тут со всех сторон красные отряды нахлынули. Не дают опомниться. Бьют. Гонят. Гимназисты, лавочники первые стали швырять оружие, шмыгать по дворам. Началась паника. Враги всюду в беспорядке побежали. Соседние с рухнувшим штабом дома остались целы. Только стёкла в окнах повылетели да кое-где обвалилась штукатурка.

— Вот это выстрел! Ай да дед! — повторял Киров.

Вдруг вражеская пуля ударила рядом с ним в стену дома и отскочила со стоном.

Какой-то рабочий обернулся и крикнул сердито:

— Товарищ Киров! Что вы всё на улице? Что вы рвётесь вперёд? Если вас убьют, как же мы останемся без командира?

Киров, улыбаясь, ответил:

— А какой же это командир, если он будет плестись в хвосте.

ДВА БАРКАСА

В степи за волжской пристанью Петропавловской однажды разыгрался жестокий бой.

Кирову доложили, что белые выбили наши части из окопов. Бойцы отступают к Волге.

— Немедленно остановить отступление,— решил Киров.

У берега стояли два рыбачьих баркаса. Их только что вооружили пушками и окрасили в стальной цвет военных кораблей.

Приказ—отчаливать.

Киров сам плывёт на баркасе к месту боя.

Берег уже зачернел от бойцов. Падают раненые. Вон парень кинул винтовку, шинель, сапоги, бросился в Волгу. Его закрутило течением.

На буграх показались цепи белых.

Люди на берегу шарахнулись в одну сторону, потом вдруг сразу повернули в обратную — и тут увидели два подплывающих серых баркаса.

— Бронированные беляки...

— Пропали, братишки!—надрывно заорал кто-то.

На баркасах блеснуло пламя, грянули пушки. На берегу на мгновенье все застыли, пригнулись, многие бросились грудью на землю... Кого настигнет смерть? Где упадут снаряды? Но взрывы раздались на буграх, в цепях белых.

— Свои!.. Ур-ра!.. — радостно прокатилось над берегом. Теперь все различили названия баркасов: „Товарищ Маркин“ и „Коммунистка“.

А от баркасов к берегу подошла лодка. К лодке подбежал весь потный всклокоченный командир.

— Не выдержали натиска, ничего не могу поделать...

— Я член Реввоенсовета Киров. Постараюсь помочь вам.

Киров спокойно, точно вокруг нет никакой сумятицы, взошёл на пригорок. Бойцы смотрели на него.

— Товарищи красноармейцы!—начал Киров.—Вы славные, несравненные герои...

Сильный взрыв заглушил его слова. Вражеский снаряд упал поблизости. Комья взлетевшей земли, камни, пыль осыпали всех у пригорка. Секунду ничего не было видно. Люди вздрогнули, готовы были метнуться, побежать. В рассеивающейся пыли увидели, что Киров спокойно стоит на том же месте. Он стряхнул с плеча землю и снова все услышали его голос:

— Вы слышите, рабочие и крестьяне, слышите, бойцы! Мы несём священный огонь пролетарской борьбы. Не дадим же врагу потушить его! Вперёд, товарищи! Победа или смерть!

Он сбежал с пригорка, подобрал у убитого винтовку и сумку с патронами и бросился навстречу белым.

— Вперёд! Бей врагов!

— Ур-ра!—закричали вокруг, и вся масса бойцов, рассыпаясь в цепи, снова повернула в атаку.

Из реки выскочил весь мокрый парень, натянул на босу ногу брошенные на берегу сапоги и, подобрав винтовку, кинулся за остальными. Красноармейцы в своих цепях всё время видели Кирова. С винтовкой в руках, он как, простой боец, полз, стрелял, перебегал вперёд под пулями белых.

А с Волги не прекращались залпы артиллерии баркасов.

К вечеру бойцы ворвались в оставленные утром окопы. Враг был смят. Бой затих. Потянуло прохладой осеннего вечера. Закурились дымки красноармейских костров. Бойцы кипятили свои походные котелки, просушивали портянки, подсев поближе к огню. Киров, возвращаясь к баркасам, остановился у одного из костров, чтобы прикурить от уголька. Сразу несколько человек поднялись с земли, чтобы уступить ему место у костра.

— Сидите, сидите, товарищи, грейтесь,—сказал Киров.

— Да. Вот греются ребята,—вслух заметил старый боец, протягивая Кирову тлеющую ветку.—А могло статься, коченеть бы нам сейчас в воде на дне Волги. Да, спасибо вам, товарищ Киров, сидим у огонька. Греемся. Живём.

ПОДРУЧНЫЙ

Вспомнить, — трудный был год... Тысяча девятьсот девятнадцатый.

Если бы не было тогда в городе Астрахани Сергея Мироновича Кирова, разгромили бы Астрахань белогвардейские полчища.

Киров кольцом фронтов опоясал город. Сам он был неутомим. Всюду можно было его видеть. Исхудалый, посеревший, часто не спавший по нескольку ночей подряд, он и объезжал фронты, и в городе бывал на каждом заводе, в каждом цехе. Всюду разъяснял, давал указания рабочим.

И речные волжские суда, даже катеры и баржи быстро перестраивались на военные корабли. По железным дорогам из Астрахани на изумлённых врагов катились грозные бронепоезда, а под стальной серой окраской броня эта частенько бывала из шпал да мешков с песком.

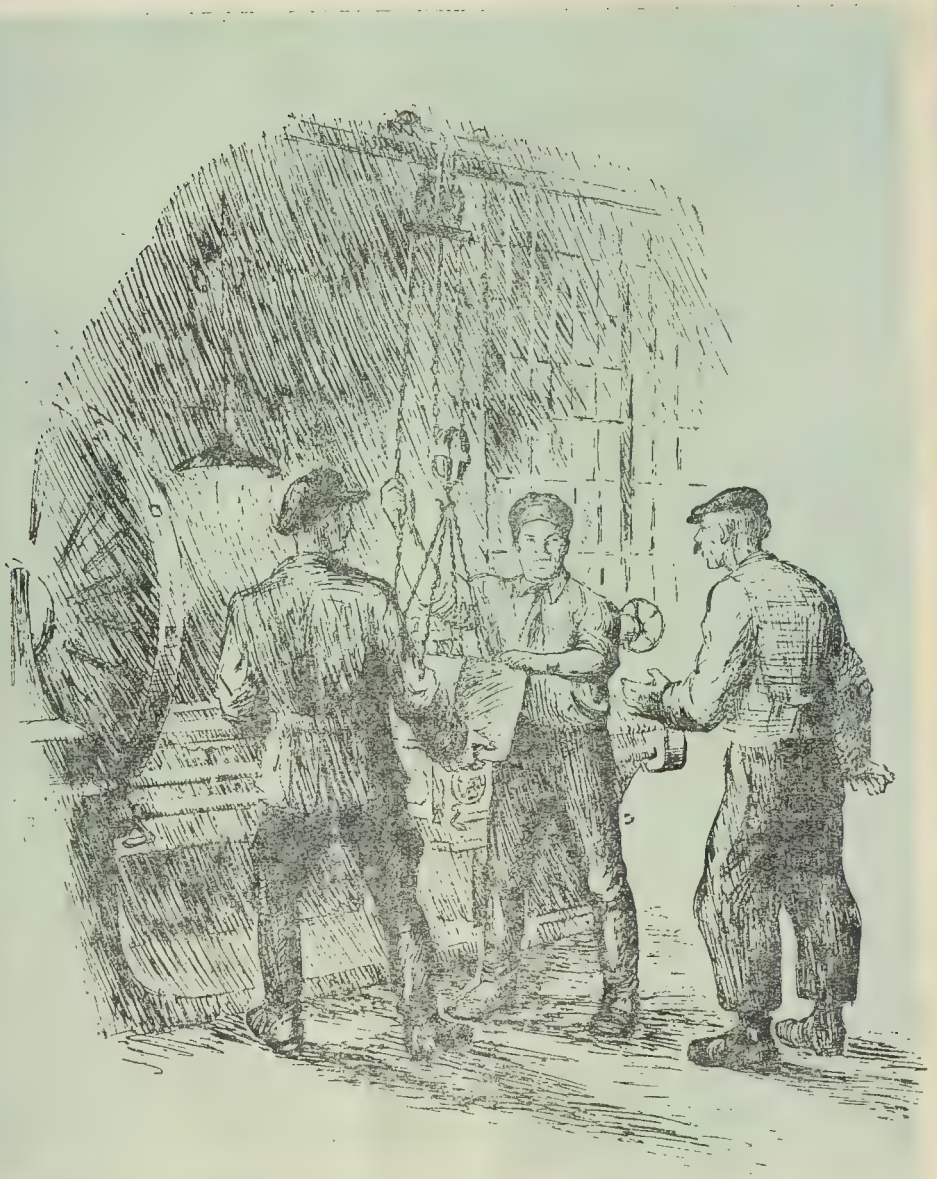
Рабочие трудились, не щадя сил. И силы брались, конечно, не со знаменитых харчей: хлеба — не поймёшь из чего — по полфунта в день да паёк солёной воблы на первое и на второе, а хочешь — и на сладкое...

А нужно было защищать жизнь, защищать советскую страну.

Старик-токарь Алексей Пантелеич, в канун большого праздника, не помнится уж какого, отработал две смены подряд — с самого утра до позднего вечера.

Он уже раза три потуже подтягивал ремешок: под ложечкой так и сосало. Брюхо-то с голодом не дружит.

А в этот вечер кум звал его к себе в гости поужинать. По случаю праздника.



— Но, смотри, не запаздывай, — предупредил кум. — А то ртов много, враз всё подчистят.

После работы Алексей Пантелеич забежал домой, наспех помылся, приоделся и только собрался с женой из дома, как в дверь постучали.

— Войдите. Кто там? — крикнул Алексей Пантелеич.

Открывается дверь, и входит сам председатель Астраханского военно-революционного комитета — Сергей Миронович Киров.

— Здорово, старина!

— Здравствуйте.

— В гости, что ли собрался?

— Да, как бы это сказать, иду на необыкновенное редкостное событие — на пирожок с рыбой. Кум за ремонт самолёта от вас вот премию — пять фунтов муки — получил. Ну и нас со старухой позвали угоститься.

— А у меня к тебе дело есть. Отложить его невозможно. Интервенты с Каспия напирают. Полагается, сам понимаешь, с должным почётом встретить непрошенных гостей — пугнуть их с какого-либо грозного нашего броненосца. Короче говоря, шхуну „Дело" знаешь? На неё мы установим орудие. Так вот под орудие нужно выточить деревянную подушку. Шхуна сегодня же должна выйти в море. Выручишь?

Ну, разве можно отказать! Хоть в животе у Алексея Пантелеича, как говорится, горнисты седьмую зорю сыграли, и, значит, пропал пирог — до пирога ли тут, когда враг подступает.

— Что же, ладно, Сергей Миронович, — ответил он. — Но надо бы ещё двоих подсобных рабочих. Одному-то мне, старику, не управиться.

— Хорошо. Иди, Пантелеич, а я сейчас пришлю тебе двух человек.

Вернулся Алексей Пантелеич в цех, станок наладил и стал поджидать рабочих.

Входит в цех Сергей Миронович и с ним комиссар Торбин.

— А рабочие пришли? — спрашивает Алексей Пантелеич.

— Здесь уже! — отвечает Сергей Миронович, а сам быстро тужурку скинул и подошёл к станку.

— Да где же они замешкались? — рассердился старик.

— Мы эти рабочие и есть, — весело сказал Киров. — Знаешь, канун праздника — никого не нашли.

Старик растерялся.

— Да как же так, Сергей Миронович! Ведь у вас и без того дел хватит... Как это можно? Я уж сам без вас как-нибудь...

— Да уж ладно. Время, знаешь, горячее. Уж не брезгуй подручными, какие есть...

И он с Торбиным ловко закрепил подушку на тали и установил её на станок. Работа закипела. С этими помощниками у старика уже через час подушка под орудие была готова.

— Ну, спасибо, Пантелеич,—сказал, улыбаясь, Сергей Миронович и подал токарю узелок. —Угощайся вот, не жалей о пироге, а на праздник отдохни как следует.

Дома старик с женой развязали узелок, и было там... сейчас вот, наверное, улыбаться начнёте, а по тогдашним временам, было там, как в сказочной скатерти-самобранке, всё для неслыханного пира: буханка хлеба, полфунта колбасы, восьмушка чаю, фунтик с сахаром и две пачки папирос.

Да не в этом узелке была суть, и не запомнился бы он старику-токарю, если б не был получен от такого подручного.

В БОЮ

Киров был членом Реввоенсовета армии. Все Кирова знали. Одевался он просто. Носил русские сапоги, кепку, белый воротничок — как не военный человек. Когда происходили с белыми большие бои, он всегда бывал на месте сражения. Не боясь смерти, он находился в самых опасных местах, чтобы помочь одержать победу над врагом.

Ведь в армию его послали Ленин и Центральный комитет большевиков.

Все бойцы любили товарища Кирова. Многие из них тогда запомнили один случай в бою на Северном Кавказе.

Бой был жестокий. Белые хорошо укрепились на холмах. Но был приказ выбить врагов.

Это можно было сделать только дружным ударом всех частей, всех бойцов.

И все части были брошены в эту атаку. В запасе оставили только кавалерийский полк, чтобы закончить бой решительным ударом.

Зловещим грохотом пушек встретили белые наступающих красноармейцев. Казалось, не пройти сквозь огненную стену рвущихся снарядов.

Стальные осколки летели во все стороны. От вражеских пуль повсюду струйками взлетала сухая земля.

Но красноармейцы цепь за цепью ползли, перебегали. Всё вперёд. Всё ближе к засевшим на холмах белым.

Киров вместе с командармом и его штабом стоял на пригорке за развалившейся каменной оградой. Позади ординарец держал на поводу коней.

Все следили в бинокли за ходом боя.

На левом фланге вдруг послышалось вражеское „ура". Сильная офицерская часть с винтовками наперевес выскочила из овражка.

Бойцы растерялись... Дрогнули. Вот несколько повернуло назад. Вот упал один... другой — спиною к врагу... Позорная смерть... Вдруг бойцы побежали.

— Не выдержали, осрамились, ребята!— вскрикнул командарм.— Враг прорывает фронт!

Остановить! Немедленно отбросить белых назад! Но как? Чем? Вызвать кавалерию? Пустить её сейчас на врага в лоб— значит потерять под пулемётным огнём много бойцов. А не помочь—погибнет ещё больше...

Командарм решился: — Кавалерию на фланг!

Он уже повернулся к ординарцам, чтобы отдать приказание.

Но в ту же секунду Киров вскочил на коня.

— Подожди-ка, взгляну без бинокля, что там!

И он помчался под пулями на левый фланг.

— Товарищи! За мной!— закричал он, вырываясь из рядов красноармейцев навстречу врагу. — Что вы — офицерья испугались?!

А белые с рёвом несутся. Вот они. Близко.

Красноармейцы остановились. Повернули.

Ещё секунда, и сотни бойцов снова бросятся в бой, увлечённые таким примером. Белые стали бить в упор по смелому всаднику. Выстрелы загремели сразу со всех сторон.

Всадник с конём рухнул на землю.

Несколько бойцов кинулись к нему.

Он выбирался из-под коня, был в крови, в пыли, очень сильно ушибся.

— Товарищ Киров! Жив? Ранен? Где?

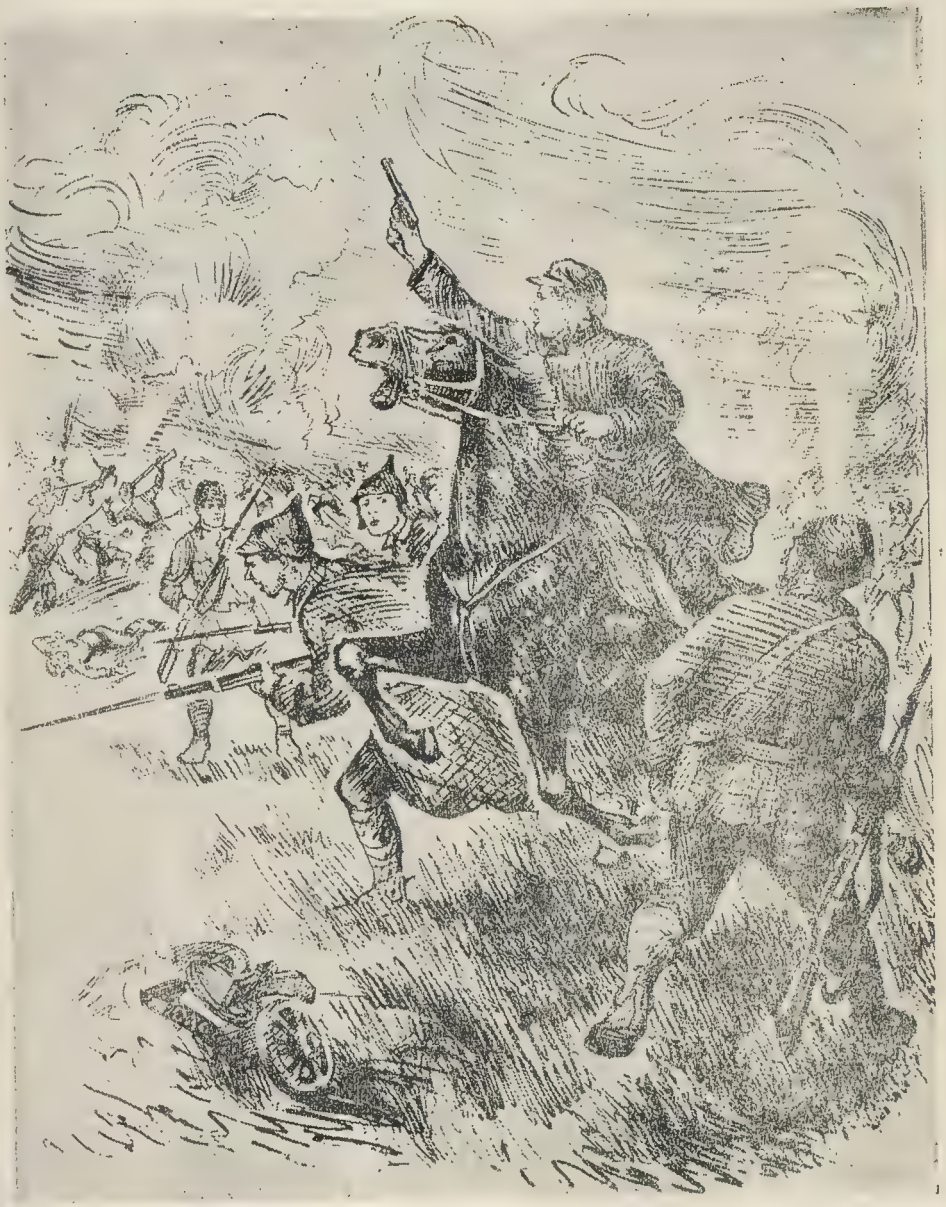
— Кажется нет... Это кровь коня. Конь убит. Вперёд, друзья, на врага!

И через секунду уже снова раздался его громкий голос.

С наганом в руке, прихрамывая, он опять бежал вперёд.

— Киров! Это Киров!— крик пронёсся повсюду в цепях красноармейцев.

— Ура-а-а!



Бойцы, обгоняя своего любимого вождя, лавиной бросились на врагов. Офицеры не выдержали такого удара, смешались, побежали.

— Ура-а-а-а! — сейчас же разнеслось в треске выстрелов по всей линии фронта. Все части подхватили атаку левого фланга.

Командарм, не отрываясь от бинокля, следил за Кировым. Командарм так и не договорил своего приказания. Ординарцы навытяжку всё ещё стояли в ожидании. Командарм, вспомнив, обернулся.

— Отставить кавалерию на фланг!

РАЗВЕДКА

Предстояло большое наступление на белых. В штабе ждали сведений от разведчиков. Наконец пришёл пакет. Киров распечатал его и рассердился.

— За целую неделю о силах противника нет ни одного толкового донесения. Есть ли белые за рекой Кумой, сколько их там — ничего не понять! В разведке либо разгильдяи, либо...

И не договорил.

Повернулся ко мне.

— Вот что, Сургучёв. Заправляй бензином своего коня и — едем. Возьмём с собой „максима".

— Есть, — говорю.

А куда поедем, я, конечно, не спросил.

Я — шофёр.

Моё дело везти, куда Сергей Миронович скажет.

„Ну, — думаю, — раз „максима" берём, значит, едем по серьёзным делам".

А „максим" — это пулемёт.

Конь у меня на четырёх колёсах, быстроходный — автомобиль „Фиат". Зверь, а не машина. И, что главное, — бесшумный.

Словом, через пять минут мы выехали.

Сергей Миронович зарядил „максима", говорит мне:

— От моста за рекой Кумой дорогу знаешь? Надо будет проехать по ней километров на пятнадцать вглубь.

— Можно, — говорю.

— А вот шлем со звездой, пожалуй, зря ты, Сургучёв, надел.

И сразу стало мне всё понятно: мы сами едем в разведку.

Взглянул я на Сергея Мироновича — надета на нём защитная фуражка и без звёздочки.

А ведь по моему красноармейскому шлему враги смогут издали узнать, кто мы такие.

И я стащил шлем с головы и положил под себя.

В те времена в Красной Армии часть командиров была из бывших царских офицеров.

Среди них не все были честные — попадались изменники.

Как видно, Сергей Миронович решил проверить, правильно ли сообщает разведка, не затесался ли туда какой-нибудь изменник.

Переехали мы мост и помчались по дороге, поднимая пыль.

Едем десять минут, двадцать. Всё тихо. Беляков не видать.

Выехали на бугор, а за бугром — село. Опять ничего такого не видно.

— Дальше, через село!—командует Киров и поправил ленту у пулемёта.

Полным ходом въезжаем в улицу. Машина подпрыгивает на глубоких колеях. Куры с кудахтаньем разлетаются из-под самых колёс. Псы, надрываясь, гонятся сзади.

— Вон кони,—говорю,—в саду, военные кони.

— Улов есть,—слышу отвечает Киров.

И вдруг прямо перед нами — солдаты. Белые. Кучей сидят на крыльце.

Я навалился на тормоз — под колёсами заскрипело. А солдаты взглянули на автомобиль, и кое-кто повскакал навытяжку.

— Не останавливай! За своих нас приняли! Дело!—рассмеялся Киров.

Даю газ. Машина мимо солдат вылетела на церковную площадь.

— Теперь поворачивай!

И я делаю по площади круг.

За церковью конная батарея стоит и броневик. Шофёр копался в моторе.

Навстречу выбегает из хаты офицер. Машет нам, кричит что-то. Видно, хочет остановить, опросить.

А я ему — длинный гудок. Берегись, мол, зашибу! И в пыли, как в дыму, мы уносимся прочь.

А те, солдаты, опять нам ничего: ведь с гудком едем, значит всё в порядке. Задерживать нас не думают.

Ну и „максим“ наш молчит.

Машина мчится уж мимо крайних хат. Вон и бугор.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОРДЕНА ЛЕНИНА ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

И тут такой ветрище дунул, волосы бьют по глазам — не вижу ничего. Боюсь, с такого хода в канаву не влепиться бы.

Изловчился я и нахлобучил свой шлем.

— Что ты делаешь? — вскрикнул Киров и сорвал шлем с моей головы.

И вдруг сзади хлопнули выстрелы. Пули зацокали по дороге.

Но машина вылетела уже на бугор.

А как съехали мы по ту сторону — и село скрылось.

Километров десять пронеслись одним духом.

Вот уже поблёскивает река Кума.

— Ну, миновало, — говорю, — теперь-то мы дома; хорошо съездили.

Тут глянул я в поле.

— Никак там что-то мелькает? Смотрите, Сергей Миронович. Вон, левей дороги. Что это?

А он отвечает так спокойно:

— Я уже раньше заметил. Ясно, что это такое. Белые из того села про нас, видно, успели сообщить по телефону. Это кавалеристы скачут к мосту, нам наперерез. Прибавь-ка ходу.

А шоссейная дорога тут делает небольшой крюк.

— Подождите, — говорю, — сейчас я белякам нос срежу. Возьму вправо по просёлку. Не успеют они раньше нас к мосту доскакать.

Но сердце у меня ёкнуло...

Только свернул я на просёлок, а впереди, совсем близко — пехота. Белогвардейцы с винтовками тоже к шоссе бегут.

— Экой ты, корявый! Ну, куда ты, голова, завёз? Живо поворачивай назад!

Вырвалась моя машина с просёлка снова на шоссе, и дал я полный газ...

Но пока я на эту проклятую канитель минуты терял, всадники стали ближе к мосту. Им уж немного осталось скакать.

Мы мчимся — ветер свистит.

Вцепился я в руль и сам себя ругаю:

„Вот остолоп! И всё это, верно, из-за моего шлема случилось. Дёрнуло же меня в селе нацепить его. Киров-то, Киров может погибнуть ни за что... И как это он связался с таким дураком, как я...“

Теперь всё от секунд зависит. Кто раньше поспеет к мосту — белые или мы.

Я ору:

— Сергей Миронович, да стреляйте же в них скорей из пулемёта! Пусть гады обождут немного, пока мы на мост не въедем!

— Не могу, — говорит. — Ты мешаешь — впереди сидишь. Боюсь в твоей голове дырку сделать.

— Тогда, — кричу, — беляки нам голову срубят!

— Ходу. Ещё ходу, — сказал твёрдо Киров и вдруг сам надвинул на меня мой шлем с красной пятиконечной звездой во весь лоб и взялся за рукоятки „максима".

Машина мчит на предельной скорости. И всадники летят. Вот они, вот! Совсем близко!

Кони прямо распластываются по воздуху.

Кажется, что их ноги не касаются земли.

Первые всадники выскочили перед нами на мост. Клинки сабель сверкнули в воздухе.

Как проскочить?

С такого хода лишь только задеть коня — опрокинешься. Гибель. Смерть... Хотел заорать — задохся.

В тот же миг запалил пулемёт. Кони шарахнулись, вздыбились. Мы промчались под самыми мордами.

Я невольно втянул шею. Сабли стукнули по машине. Шлем слетел у меня с головы.

А Сергей Миронович, пригнувшись к щитку пулемёта, без промаха бил по врагам.

Через секунду мы уже были по ту сторону реки. Мост, всадники — всё скрылось позади в туче пыли.

Сергей Миронович наклонился в машине и поднял мой рассечённый шашкой шлем. Он дружески, крепко хлопнул меня по плечу.

— А везёт нам, большевикам! Мы неоспоримо победим!

ПЛЕННЫЙ КАЗАК

Вечером накануне большого боя с белыми в штабе назначили военный совет. Перед заседанием совета Киров на автомобиле объезжал фронт. Он любил сам всё как следует проверить и узнать. С Кировым кроме шофёра Сургучёва, был командир Пряхов.

Солнце уже побагровело, стало садиться, когда автомобиль повернул в обратный путь — к штабу.

— К девяти надо быть. Вези поскорей, — сказал Киров шофёру.

— По шоссе ехать далеко, крюка давать. Разрешите, Сергей Миронович, проеду покороче, напрямик.

— А не заблудишься?

— Нет, что вы! Где ж тут заблудиться?

— Ну, поезжай.

Автомобиль свернул с большой дороги в сторону. Солнце зашло. Стало быстро темнеть.

Проехали километров пять холмами по просёлочку, и вдруг машина увязла в песке.

Шофёр дал полный газ. Колёса завертелись, но машина — ни с места.

— Так! Красиво напрямик срезал, — сказал Киров, — быстро довёз. А ну, скиньте шинели!

Он и Пряхов соскочили с машины и стали подкладывать шинели под колёса. Машина рванулась по шинелям вперёд и опять стоп. Засела. Вихрем из-под колёс вылетел песок, а вместе с ним и шинели.

Бились, бились... Колёса совсем закопались.

— Тише! Слушайте! — вдруг сказал Киров.

Шофёр выключил мотор. Стали прислушиваться. Из оврага между холмами тянул ветер. Были слышны женские голоса. Потом брякнуло ведро. Заскрипело колесо колодца.

— Видать, хутор близко. Разрешите, за конями схожу, — попросил Сургучёв.

— Иди, пожалуй. Да только поживей.

Но тут донёсся вдруг зычный голос:

— Ваше благородие, извольте к столу.

Пряхов так и вцепился шофёру в плечо и шопотом:

— Так-то, леший, дорогу знаешь! Ведь это к белым заехали...

Киров говорит:

— Во-время автомобиль застрял. Не завёз к врагам. Машина-то умней шофёра. Толкнём её в обратную сторону. Надо убираться поскорей.

Плечами все трое упёрлись в автомобиль. — Раз, два — взяли! — Но сдвинуть сил нехватило.

Вдруг справа над овражком показались чёрные силуэты всадников.

Казаки...

Киров и Пряхов мигом выхватили наганы. Притаились. Сургучёва потом прошибло. Вот казаки заметят, налетят. Только два нагана, только четырнадцать пуль... Не отстреляться... Окружат, порубят. И, сам не знает как, он вдруг очутился брюхом на песке, ноги сами собой полезли под машину, и всего его туда так и подтягивало.

Казаки гуськом, — как видно, по тропинке, — едут мимо. Едут, переговариваются.

За кустами, должно быть, машина им не видна. Ночь тёмная. Вот счастье-то! Хоть бы не заметили, миновали... Хоть бы так...

А Киров придвинулся к Пряхову, пошептал что-то на ухо и наклонился к Сургучёву.

— Вылазь. Сейчас языка добудем. В плен казака возьмём.

Сургучёв чуть не вскрикнул. Ослышался, что ли? Их всего трое, а казаков, поди, с полсотни...

Спокойная рука Кирова опустилась ему на плечо...

— Дай Пряхову шинель. Ползи за мной в кусты. Как я сучком хрустну, всем вскочить, схватить самого последнего казака. Тебе — коня удержать. Тихо, без шуму.

— Есть без шуму, — заикаясь пробормотал Сургучёв и пополз за Кировым.

Проползли в кусты. Темно. Впереди стучат копыта. Тут. Близко. Протяни руку — достанешь. Кони всхрапывают. Вот уж последние казаки проезжают. Проехали. Ещё один едет. Самый задний. Вот и он поравнялся. Сердце у Сургучёва — что колокол в груди. Он даже испугался — казак услышит...

Вдруг хрустнул сучок...

Тут всё произошло в один миг: Сургучёв прыгнул, вцепился в узду. Казак не успел и вскрикнуть, как голова его, точно в мешке, очутилась под душной шинелью и чьи-то крепкие руки стащили его с седла.

Киров навалился на казака.

Пряхов наганом тычет пленного в бок.

— Только пикни!

Казака скрутили.

Всё тише доносился цокот копыт и голоса казаков. На хуторе залились собаки.

— Вот теперь-то с конём мы и вытянем машину, — сказал повеселевший Сургучёв.

— Нет, товарищ Сургучёв, — возразил Киров, — теперь, не теряя секунды, надо уходить. Хватиться могут. Мешкать нельзя. Забирай пленного, и — пошли.

К полночи Киров был в штабе.

— Виноват, опоздал, — сказал он товарищам. — Дорогой довелось захватить белого. Уж очень язык-то нам сейчас кстати.

*

Автомобиль Кирова уцелел — не достался белым.

Когда на рассвете начался бой, Сургучёв вернулся за машиной с упряжкой артиллерийских коней. Горячие кони вынесли её на шоссе.

Белые били по машине из пушек. Снаряды рвались кругом. Но перед взором шофёра стоял Киров. Ведь не побоялся он отбить казака у целого отряда!

На сердце становилось весело, и всё казалось нипочём.

ПОЖАР

Поздняя ночь. Город Баку спит. На улицах пусто. В окнах домов темно. Только ветер завывает, да поднявшаяся вихрем пыль стучит в стёкла. В одном доме горит свет.

У окна сидит за письменным столом широкоплечий сероглазый человек. Ворот его гимнастёрки расстёгнут, рукава засучены. Прядка русых волос обилась на лоб.

Он склонился над листом бумаги, быстро пишет и улыбается.

Это Киров. Он пишет письмо Сталину.

Письмо хорошее, радостное. Про то, как дружно бакинские рабочие добывают нефть для молодой Советской страны; про то, что уже полны нефтяные амбары; про то, что длинные поезда каждый день увозят нефть на заводы в Москву, в Ленинград, а под землёй запасы нефти — огромные.

Киров откинулся на стуле, заложил руки за голову, задумался.

Далеко у озера видны промыслы. Чернеют башни — нефтяные вышки, — точно застыли полчища великанов.

И вдруг там высоко взметнулся столб пламени. Густой, красный от огня дым повалил в небо.

Пожар...

Должно быть это поджог. Какой-нибудь злодей решил уничтожить добытую нефть.

Мгновенно Киров накинул дождевик, нахлобучил фуражку, выбежал из дому.

Через минуту над сонным городом уже раздавался вой сирен.

Протяжно застонали гудки.

Ночные сторожа отчаянно били в набат.

Тревога! Нефть горит...

Разбуженный народ вскакивал с постелей. По улицам со всех сторон на пожар бежали рабочие спасать свои промыслы. Многие одевались на бегу.

Высоченное пламя уже охватило деревянные вышки.

Гудит. Бушует...

Языки огня пригибаются по ветру, захватывают всё больше добычи... Оглушительно трещат горящие брёвна, точно пальба идёт. Головёшки, целые куски горящих досок со свистом взлетают вверх. Ветер зло их швыряет на крыши, на другие вышки — далеко по сторонам.

Жар такой — не подойти.

Рабочие остановились толпой, не зная, что делать.

— Товарищи, что же встали? — раздался голос.

— Поди — сунься...

— Ты что ж — огонь-то руками будешь гасить? Пожарных машин — раз, два и всё... И шлангов нету.

Но тут к толпе подошёл коренастый человек в дождевике. Он крикнул так, что все услышали:

— Лопаты сюда! Ломы, топоры! Огонь будем землёй засыпать! Ломайте все вышки вокруг. Дружней, товарищи!

Сотни рабочих сразу же бросились ломать вышки. Рубили их, привязывали к ним верёвки, раскачивали их и валили.

На пожаре всюду видели неутомимого человека в дождевике. Он вместе со всеми рубил и валил вышки и землю копал, таскал её на носилках и засыпал пылавшие брёвна.

— Кто это? — спрашивали люди друг друга.

А присмотревшись, узнавали:

— Да ведь это же главный бакинский наш большевик — сам товарищ Киров!

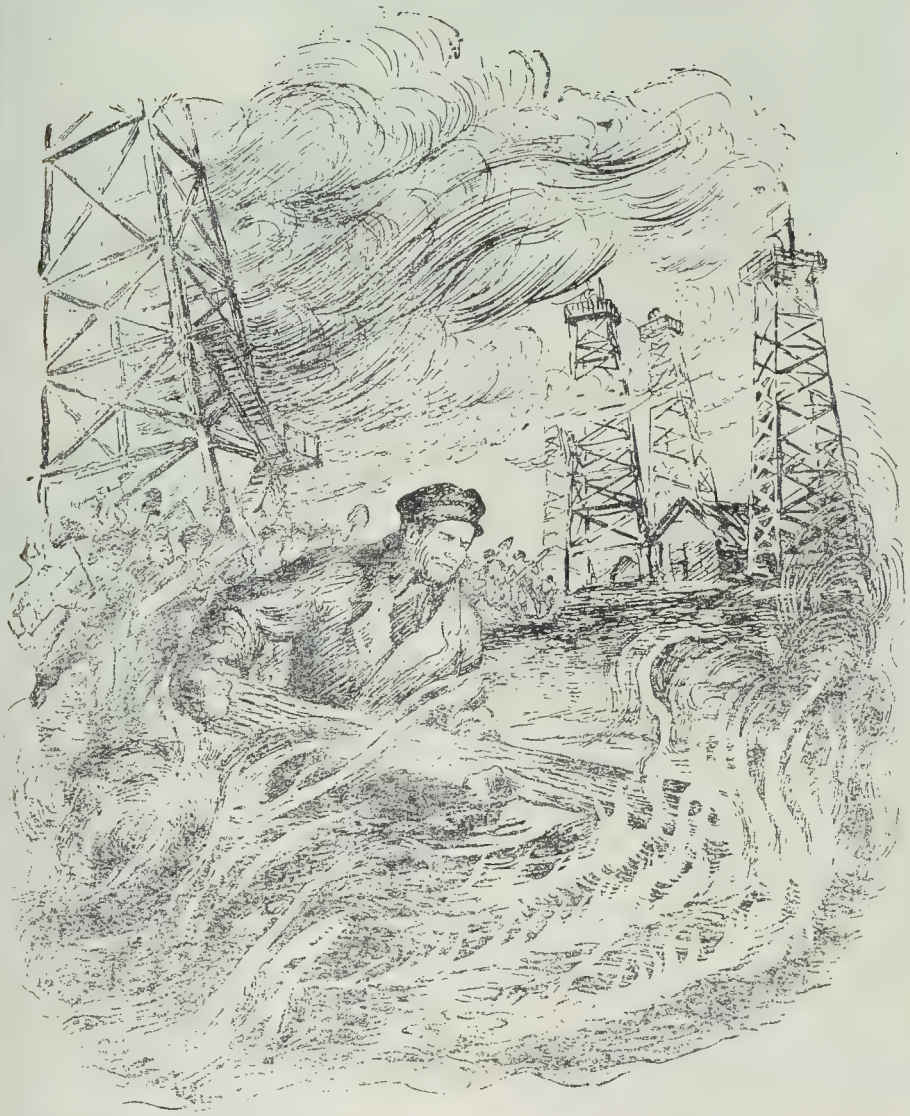
И кто утомился, устал, тот, глядя на Кирова, снова горячо брался за дело.

Ночь, день, вторую ночь измученные люди боролись с огнём. Наконец огонь стал сдавать, отступать.

Уже удалось сбить большое пламя. Уже меньше злых искр неслось по ветру. Пожар понемногу стихал.

Оставалось ещё одно очень опасное место: возле огромного бака, полного нефти, горели сараи.

Киров вместе с рабочими и пожарными работал у самого бака.



Вдруг глухо бухнуло.

— Спасайся! — раздался крик. — Бак разорвало!

Киров едва успел отскочить.

Чёрной волной из бака хлынула нефть, на миг затопила пылавшие брёвна. Сама вспыхнула и, всё зажигая, разлилась потоком по низине до самого озера.

И на озере запрыгали язычки огня, — точно зажглась вода. Это пылала расплывавшаяся по воде нефть.

Ветер погнал её к другому берегу.

А там стояли ещё вышки, были нефтяные амбары — огромные ямы, полные нефти.

Ропот пронёсся над берегом:

— Всё пропало. Теперь загорятся все промыслы.

Тут снова все увидели Кирова.

С большой доской в руках он бежал к озеру.

Вбежал в воду по пояс и изо всех сил стал грести доской — отгонять прочь наплывавший огонь.

Едкий дым застлал ему глаза, огнём припекало лицо.

Одежда на Кирове вдруг загорелась.

Он быстро окунулся с головой в воду и продолжал работу.

Теперь все поняли, что надо делать.

Десятки и сотни людей с досками, с лопатами, с железными листами мгновенно бросились за ним в озеро и стали дружно отгребать нефть.

На озере подняли такую волну, что горевшая нефть поплыла в сторону.

К другому берегу огонь так и не подпустили.

Промыслы были спасены.

Только на третий день Киров вернулся домой.

Он сбросил с себя обгоревшую мокрую одежду.

Прошёл в кабинет.

На столе лежало его недописанное письмо Сталину.

Киров присел к столу и приписал ещё несколько строк о том, что на промыслах случился большой пожар, но что героические рабочие дружными усилиями пожар загасили. Главные запасы нефти спасли.

Ни одним словом Киров не упомянул о себе.

Он подписался, вложил письмо в конверт и заклеил его.

НА „АЛЕУТЕ“

„Алеут“ — это такой океанский пароход. Его переделывали на китобойную базу.

В корме вырезали отверстие, как огромные ворота, чтобы втаскивать на палубу убитых китов. А в носу устраивали кухню с громадными котлами, — целую фабрику для выварки жира из китовых туш.

Перестраивали этот пароход в Ленинграде, на заводе имени товарища Андрэ Марти.

Дело было срочное.

„Алеуту“ скоро уж пора было отправляться на китобойный промысел. И вот послали на „Алеута“ работать комсомольцев. Была среди них наша Аня Козлова — рубщик. Дело рубщика — срубать зубилом сталь после сварщиков. Сварщики вырежут в стальной стенке корабля дыру, — дверь или окно, или фигурное отверстие для какой машины. А рубщик после них должен подправить, подстрогать.

Зубило в руки — и знай нажимай, снимай стальную стружку. И чем длиннее выйдет стружка, тем, значит, лучше считается рубщик. А Аня только недавно выучилась на рубщика, получила эту квалификацию. Ещё уши ватой закладывала. Не привыкла к шуму.

Зубило — пневматическое, работает сжатым воздухом, трещит весь день так, точно пулемёт стреляет.

Говорили, что сам товарищ Киров интересуется „Алеутом“, что время от времени он приезжает проверить, как идёт работа.

Раньше Аня видела Сергея Мироновича только так, издалека, в октябрьские и майские праздники.

Она с демонстрацией — на площади, а он — на трибуне.

Теперь она мечтала, что доведётся близко повидать его, а может быть он и поговорит с нею...

И она всё ждала такого счастливого случая.

И вот раз пробежал слух, что Киров на заводе. Значит, зайдёт и на „Алеут".

А работа в этот день попалась Ане как раз на очень хорошем месте — хоть и под палубой, где темновато, но в самом проходе. Уж мимо Ани никак не пройти. Правда, работы тут было ненадолго. С одной стороны до черты сострогать да зауселицы сравнять.

А потом мастер велел переходить в трюм — это в тартарары, на самое дно.

Понятно, Аня в тот раз в трюм не очень-то торопилась.

Перейду, думала, как раз и прозеваю его. И она не нажимала. Работала да поглядывала.

Ждала: вот войдёт сейчас всё заводское начальство в полном составе, а впереди сам Сергей Миронович Киров.

Тут Аня и нажмёт, покажет ударную работу, сострогнёт им стружку.

Но всё было тихо. Никакого начальства в полном составе не показывалось. Только прошёл мимо Ани какой-то человек, с виду — рабочий. Это по сапогам можно было судить: сапоги у него были простые, поцарапанные. Аня и головы не подняла. А он взглянул на её работу и молча прошёл дальше.

Минут через двадцать идёт он назад, а с ним ещё двое ребят, комсомольцев.

Аня, конечно, ковыряется своим зубилом на том же самом месте.

— Что, девушка, заело? Или учишься ещё? — громко спросил он.

— Нет, не заело, — процедила сквозь зубы Аня и отвернулась. Даже обиделась немного, а сама думает: „Тоже, учишься... Уж квалификацию имею. Тут самого Кирова жду, а вы с вашими вопросами. Не до вас".

Он стал подниматься по трапу.

А ребята подтолкнули Аню в бок, говорят:

— Ты что же Кирова плохо встретила?

— Как Кирова? Что такое вы, черти, врёте!

— Да ведь это, — говорят они, — был товарищ Киров!

У Ани и зубило из рук выпало.

Бросилась она к трапу, кричит:

— Сергей Миронович! Обернитесь на минутку! Сергей Миронович! Что вы про меня подумали? Ведь я комсомолка и ударница! И, честное слово, я не так работаю, как вы видели. Я бы давно тут закончила. Это я нарочно — всё ждала вас, уж очень хотелось вас встретить. А я всегда вот как работаю! — Схватила Аня зубило и давай рубить.

Киров наклонился с трапа, рассмеялся и говорит:

— Вот так и надо! Да ты не печалься! Я плохого не подумал. А будешь хорошо работать — не раз увидимся. Хорошая работа — лучший у нас предлог для знакомства!

ШАПКА-УШАНКА

Два охотника подошли к избушке лесника. Их сумки набиты дичью — охота была удачной. Они весело разговаривали, шутили.

— Славно мы с вами поохотились, Владимир Ильич. А вечер-то, а закат какой! Не хочется в избу итти. Честное слово, я готов ещё хоть целые сутки бродить по осеннему лесу!

— Экой вы неугомонный, Сергей Миронович! Не жадничайте. Вы и так побольше моего дичи взяли, даром что стреляете с левого плеча...

— Где же больше! А вы, Владимир Ильич, ещё добрей были бы. Зачем отдаёте свою добычу.

— Как, отдаю добычу?

— А вот так, как вышло с этим охотником, что был на озере в лодке. Он вспугнул в камышах стайку и промазал. Вы уж у берега в лёт подстрелили утку. А он подобрал, как будто он её подбил. Будто и не слыхал вашего выстрела...

На крылечко избушки вышел навстречу охотникам хозяин, лесник.

— Наконец-то! Я уж думал, что в лесу решили ночевать. Пожалуйте, Владимир Ильич. Проходите, товарищ Киров. У меня чай поспел.

Хозяин проводил гостей в избу.

— Извиняюсь только, после вас тут приехал ко мне свояк, тоже охотник. Попросился остаться переночевать. Он ещё с озера не вернулся. Как придёт, я его с собой на сеновале уложу. Я ему, конечно, ничего не сказал, какие у меня гости.

— Все вместе в избе переночуем, — сказал Владимир Ильич. — Ночи уж холодные. Пожалуйста, не беспокойтесь.

Охотники оставили в сенцах свои сумки с дичью и прошли в избу. На столе кипел самовар. Сергей Миронович заметил горку печёной картошки.

— Вот это угощенье! Это по мне!

Владимир Ильич сказал:

— И я с удовольствием присоединюсь.

После ужина хозяин разостлал сенники. Владимир Ильич улёгся на сеннике и собрался заснуть. Тут в избу вошёл охотник — свояк хозяина. Поздоровался, бросил на лавку свою тощую сумку — две-три утки — и, качнувшись, отстегнул с ремня фляжку. Видно было, что он сильно навеселе.

— Э, да ты, своячок, уж порядочно промок, — сказал ему хозяин.

— Извиняюсь, есть малость, — сказал охотник. — Так уж у меня заведено: когда я на охоте, — то не даю поблажки ни дичи, ни фляжке. — Он подсел к самовару и обратился к Кирову:

— Это вы что ль на берегу охотились?

— Мы.

— Спасибо вам, была через вас мне сегодня замечательная удача. Вот послушай, свояк: сижу это я в камышах. А они на берегу выстрелили — уток вспугнули. Летят, ну — прямо на меня. Я — бах! Смотрю — с одного выстрела трёх наповал...

Ленин поморщился. Он приподнялся на сеннике и попросил:

— Сергей Миронович, ваша шапка, кажется,с ушами. Дайте, пожалуйста, её мне. — Он надел шапку, опустил уши и завязал их под подбородком.

— Вот так-то оно лучше будет! — И снова повернулся на бок, лицом к стене.

Хозяин сказал:

— Послушай-ка, свояк, перестань болтать. Им спать надо. Завтра рано в город.

— А вы из города будете? — обратился охотник к Кирову.

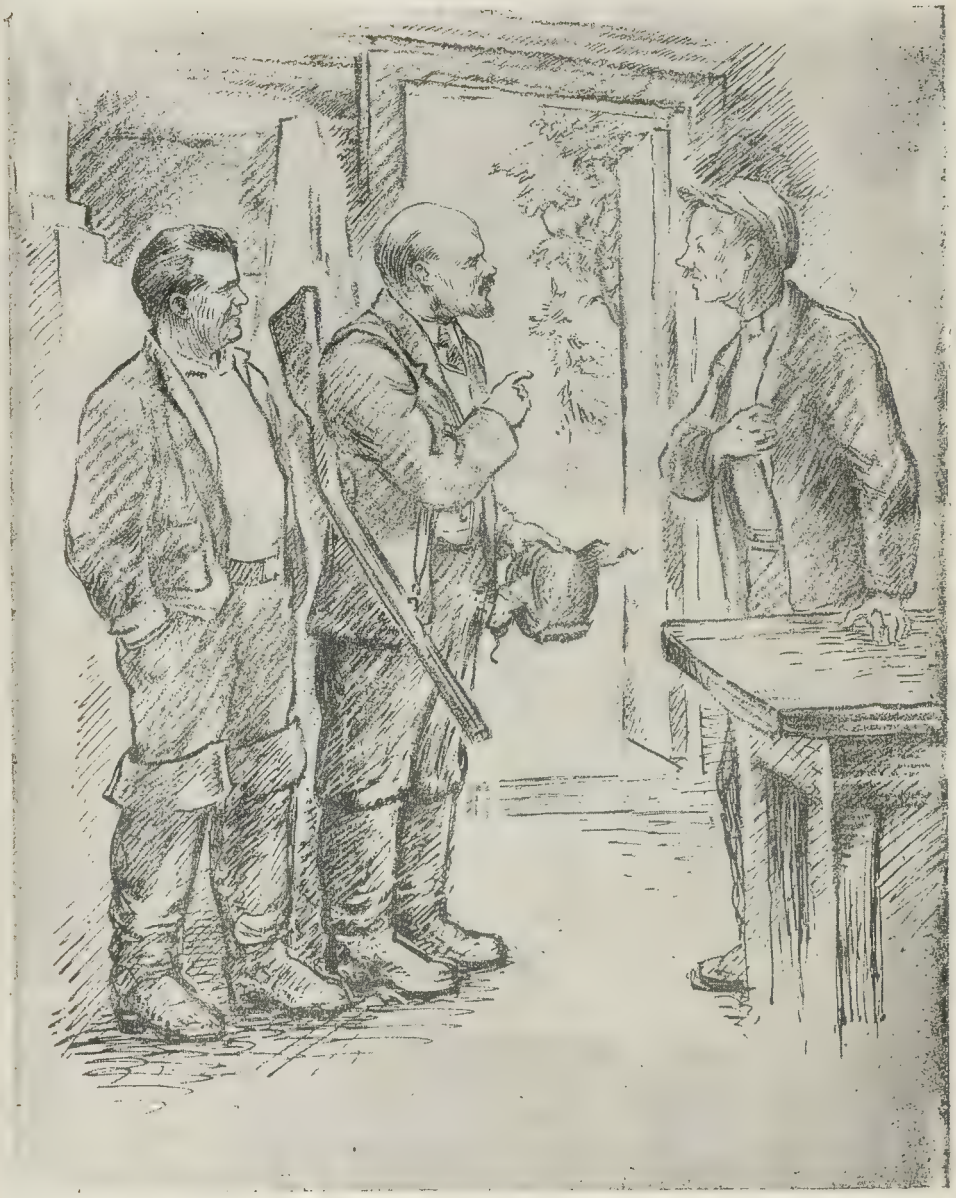
— Из города, — ответил Сергей Миронович.

— А из какого?

— Из Москвы.

— Из Москвы?! Вы, может, там и Ленина видели?

— Как же, видел. И даже раз пришлось, друг, быть с ним на охоте. Вот он не любит, когда кто-нибудь врёт. А был такой случай: Ленин в лёт подстрелил утку. А другой охотник подобрал её, как свою, а потом ещё хвастал, что сразу трёх



убил наповал. Знаешь, среди охотников попадаются большие мастера поврать. А Ленин не любит, когда врут.

Охотник покосился на Кирова и помолчал.

Потом сказал:

— Говорят, Ленин — хороший охотник.

— Ещё бы! Все тонкости знает. Какого калибра дробь, с какой скоростью летит.

— Хотел бы я хоть раз повидать товарища Ленина,—сказал охотник.—Поохотиться бы с ним, посмотреть, как он стреляет. Но всё же он городской человек, а мы, коренные лесовики. Неплохие мы стрелки. Взять хотя бы со мной вот сегодняшний случай...

— Да, что и говорить, — сказал Киров,—случай особенный... Ты, может, когда и встретишься с Ильичём. В жизни ничего невозможного нет. А теперь, друг, пора спать. Укладывайся и ты.

Наутро Владимир Ильич говорит охотнику:

— Ну, что ж, попробуем пострелять, кто метче? Ты же вчера говорил, что хотел бы пострелять со мною. Давай выйдем во двор — подкинь мне еловую шишку.

И Владимир Ильич снял шапку-ушанку, отогнул козырёк и уши и стал связывать шнурки.

Когда Ленин оказался без шапки, охотник сразу узнал его.

— Вы, вы—товарищ Ленин? — забормотал он. — Владимир Ильич? Ведь это давеча на берегу я вас и видел, да не признал. Ведь и утка-то упала от вашего выстрела, Владимир Ильич... Вы уж простите меня за вчерашние глупые разговоры. Вот уж верно сказал ваш товарищ, что среди охотников есть любители поврать. Я ведь понял, что это он про меня сказал.

Владимир Ильич и Сергей Миронович переглянулись и рассмеялись.

СТРЕЛКА

Сергей Миронович говорил: для того, чтобы хорошо работать, нужно уметь хорошо отдыхать. А лучший—отдых, говорил он,—это побыть среди природы.

В праздничные дни Киров не любил оставаться в городе и хоть на несколько часов уезжал в лес, к реке, на озёра,—побродить там и поохотиться. Он любил и солнце, и облака, и безветренную тишину, и свежий ветер, не боялся ни холода, ни дождя.

Была у Сергея Мироновича любимая охотничья собака—Стрелка. Держал он её за городом, в тех местах, куда ездил обычно охотиться. Приезжает раз Киров на охоту, а у Стрелки—щенки. Бросилась Стрелка с весёлым лаем навстречу хозяину, прыгала на него и старалась лизнуть. А потом повела его к щенкам. Щенки у неё были такие потешные, лохматые, головастые. Возились, кувыркались, друг друга за уши хватали. Улеглась Стрелка щенков молоком кормить.

А как стал Сергей Миронович собираться из избы и взялся за ружьё, Стрелка вскочила. Повизгивает от радости,—на охоту собралась. А Сергей Миронович говорит: — Ты это куда? А со щенятами кто останется, кто их будет кормить? Нечего, нечего радоваться. Оставайся дома, я и один схожу.

И Стрелка будто поняла: виновато повиляла хвостом и вернулась к щенкам.

Пошёл Сергей Миронович вдоль берега озера и вспугнул утку. Утка взлетела. Он быстро прицелился вслед и подстрелил её на лету. Утка упала в камыши, далеко от берега.

Но как её достать? Решил он уж итти к рыбакам, просить лодку. Но тут камыши зашелестели, затрещали.

„Неужели утка ожила и так шумит? — подумал Сергей Миронович и стал внимательно следить за камышами. — Нет, видно какой-то зверь пробирается".

Сергей Миронович вскинул ружьё. А из камышей выходит на берег Стрелка и несёт подстреленную утку.

— Ах ты, негодная! Кто тебе позволил уйти из дому? — начал было сердитым голосом Сергей Миронович, но тут же рассмеялся и сказал: — Не выдержала-таки, охотничья душа? А? Прибежала помогать хозяину!

ЗАПОЗДАЛЫЙ ОТВЕТ

В пионерском лагере решили мы устроить выставку собственных картин.

Я всё раздумывал: что бы это нарисовать?

А тут ребята стали рассказывать, как первого мая видели они Сергея Мироновича Кирова.

Преподнесли они ему на трибуну цветы. А он подозвал ребят и стал расспрашивать, как они живут, шутил с ними, а потом сказал: — Подарок за подарок! — и дал всем шоколаду.

Я слушал ребят и мечтал, что когда-нибудь на празднике тоже увижу Сергея Мироновича, тоже подарю ему большой букет... А на нашу выставку я решил нарисовать праздник Первого мая.

Такую картину за один раз не нарисуешь. Я несколько дней трудился.

Вот как-то сидел я в парке недалеко от лагеря со своей большой рисовальной тетрадью и рисовал цветными карандашами.

Вдруг меня окликнул какой-то мужчина.

— Мальчик, к вокзалу как пройти?

— Вон сюда, а потом — туда, а можно вон там, — ответил я. — А хотите, дядя, я вам покажу?

Я встал и повёл его. Он спрашивает:

— Ты пионер?

— Пионер.

— А учишься хорошо?

— Ничего!

— Какие же у тебя отметки?

— Три „отлично“,—говорю,—три „хорошо“, а остальные „удовлетворительно“.

— „Удовлетворительно“ нужно заменить на „хорошо“, а „хорошо“ на „отлично“,—сказал он.—А покажи, что ты там в тетради нарисовал?

— Да вот,—говорю, — первомайский парад и как наши ребята на трибуне с Кировым.

— Это, что ли, Киров? Ну, вышел он у тебя не очень-то похож!

— Что ж,—говорю,—ведь я, дядя, его не видел. Я тогда болен был... А у нас только один его портрет есть. Вот на будущий первомай, может быть, и я увижу его...

— Так...—говорит.—А ты погляди-ка на меня. Как думаешь, кто я такой?

Я взглянул и чуть не вскрикнул: „Киров!“—так как был он очень похож на портрет товарища Кирова. Но только думаю: „Нет, не может этого быть... Как же так? Обыкновенный такой, одет просто. Вот и русские сапоги у него не новые... Идёт по парку один, да ещё и дороги не знает“.

Пробормотал я:

— Дядя, идите всё прямо по дорожке...—И убежал поскорей.

И вот прошло лето. Вернулся я из лагеря в город, стал ходить в школу.

А в октябрьские торжества пошёл я с демонстрацией на площадь. И очень мне хотелось поближе увидеть Кирова.

Протискался я между взрослыми, смотрю на трибуну.

Да ведь это же тот самый дяденька там стоит, с которым летом мы встретились в парке!

Вспомнил я, как он меня тогда спросил, и вдруг как крикну во всё горло:

— Вы—товарищ Киров!

БЛЕСНА

Кто из ребят хоть раз видел Кирова, никогда этого не забудет.

А у меня с ним были даже две удивительные встречи.

Как-то удил я пескарей в Парке культуры и отдыха на островах. Целый день удил и обедать не ходил. Заругают дома — ну, да ладно.

Зато пескарей поймал двадцать пять штук. Плавали они у меня в ведёрке, все ребята видели.

Вдруг кто-то сказал:

— Киров идёт!

Вижу: пионеры идут толпой, а в середине несколько мужчин. Один — впереди. Небольшого роста, в гимнастёрке, в светлой фуражке. Глаза у него такие добрые, весёлые. Разговаривает с ребятами и всё улыбается.

Это и есть Киров, Сергей Миронович.

Загляделся я на него и забыл совсем про своих пескарей. А он посмотрел на меня, да как крикнет вдруг:

— Рыболов! Гляди — удочку упустил!

Я обернулся — удочка-то моя поплыла.

Бросился я за ней, да как-то ведёрко ногой задел.

Ведёрко — набок, пескари мои шлёпнулись в реку, хвостиками вильнули, только я их и видел...

Ребята кругом как засмеются. А мне обидно. Ведь двадцать пять пескарей было. Выходит, весь день зря удил.

Я едва слёзы сдерживаю — стыдно плакать при Кирове... А он улыбается.

— Ну что, — говорит, — всех своих щук растерял... Как тебя зовут?

— Петька!

— Подожди-ка, Петя. Мы это дело, кажется, сейчас поправим.

Порылся он в кармане и протягивает мне блесну—блестящую жестяную рыбку с тремя крючками.

— Вот тебе пескаря — щук ловить. Привяжешь на длинный шнур и пустишь с лодки. Щука подумает, что это живая рыбка, схватит и попадёт на крючки.

Зажал я подарок в руке.

От радости хочется мне крикнуть,—голос у меня всегда во какой: на том берегу слышно! А тут точно это не я, — бормочу чуть внятно:

— Спасибо, Сергей Миронович...

Киров улыбнулся и пошёл с ребятами дальше. И я хотел за ними, да у меня удочка запуталась. Пока я ее распутывал и ребят догонял, Киров уже уехал.

Вот вскоре после этого отправился я к дедушке погостить. А дедушка мой работал сторожем в лесу, куда охотники ездят на охоту. Он сколько раз Кирова на охоте видал. Да только дедушка мой чудак. Всё молчит, не любит рассказывать.

Там есть большое озеро.

Подарок Сергея Мироновича я, конечно, захватил с собой.

И только приехал, сейчас же отправился в челноке по озеру — с блесной. Она была привязана на зелёный рыболовный шнур.

Ездил, ездил — ничего не поймал. Только устал. Где-то поблизости то и дело стреляли охотники. Должно быть, они всю рыбу распугали. Досадно было. Повернул я к берегу.

Вот стал уж приставать, вдруг мой шнур задёргался. Я потянул за шнур, а на другом конце сильно заплескало. Я обрадовался: „Видно, большая рыба попалась".

Выскочил я на берег. Тяну и приговариваю: „Вылазь-ка, голубушка, на сушу".

А рыба — как рванёт! Я и скатился в воду.

— Ах, чтоб у тебя хвост откис!—говорю.—Врёшь, всё равно не уйдёшь!

А рыба ещё как потянет, — шнур чуть и совсем из руки не выскользнул. Я едва за самый конец удержал, даже ладошке горячо стало.

Смотрю: ладошка в крови. Это шнуром порезало. Больно мне, слёзы брызнули, но я зажал шнур в руке ещё крепче и вокруг пальцев обернул.

Блесна-то—подарок Кирова, ни за что её не выпущу.

Хотел я вылезти, а дно под ногами илистое. Я и поскользнулся. И окунулся с головой.

Вскочил на ноги—глубина мне уже по грудь.

А рыбина здорово тянет. Я чуть не реву. Придётся мне шнур отпустить. Пропала заветная блесна... А не отпущу шнур, утянет меня рыбина за собой...

Но тут вдруг кусты за мной зашелестели, кто-то с плеском ступил в воду, сгрёб меня и мигом выволок на берег.

— Ай да рыбак,—говорит.—Никак тебя щука поймала?!

Обернулся я, а это Киров.

Ружьё за плечом, охотничьи сапоги до пояса, а в сумке на боку—утки.

Я как закричу:—Сергей Миронович!

И обхватил его руку.

А он удивляется:—Да как ты, малыш, меня узнал?

— Сергей Миронович! Так ведь я же—Петька! Помните, в Парке культуры пескарей удил? Ведь это на блесну, что вы дали, я рыбу поймал!

— Да где же твоя рыба?

Я протянул руку, и меня даже в жар бросило: нету шнура в руке. Видно от радости, что увидел Сергея Мироновича, я про шнур-то позабыл и выпустил его! Я растерялся.

— Плохо дело,—засмеялся Киров.—Ушла твоя рыба. Ну, ничего, шнур я перехватил. Вот он!

Стали мы осторожно тащить—ну и щуку вытащили!

Если бы не Сергей Миронович, ушла бы она от меня.

Прошу я его:—Сергей Миронович, возьмите щуку себе.

— Что ты! Мне такую большую не съесть!

Так и не взял.

Потрепал меня по щеке и ушёл. А я на эту блесну больше никогда не удил,—чтоб не потерять.

Ведь это у меня память от Сергея Мироновича!

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Пушечный выстрел 3
Два баркаса 8
Подручный 10
В бою 13
Разведка 16
Пленный казак 20
Пожар 23
На „Алеуте“ 26
Шапка-ушанка 29
Стрелка 32
Запоздалый ответ 34
Блесна 36

Кировское областное издательство.
1946 г. Индекс Д-1. Изд. № 465.

Редактор *В. Порфирьев.*
Технический редактор *Е. Васильева.*
Корректор *А. Устюгов.*

Подписано к печати 12/XI — 1946 г.
Объем: 4 печ. л., 3 уч.-изд. л.
ФЕ00070. Тираж 10 000. Цена 3 руб.

Областная типо-литография,
Киров, пл. Ст. Халтурина, 40,
Заказ 3248.

KL-2

P 476

17898